

ЧИТАЙТЕ РОМАНЫ АНТОНА ЛЕОНТЬЕВА
В СЕРИИ «АВАНТЮРНАЯ МЕЛОДРАМА»

•

Крапленая карта мира
Девять с половиной идей
Шпионка, пришедшая с севера
Хозяйка Изумрудного города
Трудно быть солнцем
Вечность продается со скидкой
Золотая клетка для синей птицы
Кровь Троянского коня
Закат созвездия Близицов
Восьмой смертный грех
Дворец, где разбиваются сердца
Ключ к волшебной горе
Профессия – первая леди
Демоны зимних ночей
Шоу в жанре триллера
Звездный час по тарифу
Ночь с Камешным Гостем
Виала розовых ангелов
Святой нимб и терновый венец
Воздушный замок Нострадамуса
Лес разбуженных снов
Побег с Азурного берега
Еще один знак Зодиака
Миф страны эдельвейсов
Последний бог
Код одиночества
Под маской хеппи-энда
Бендетта. День первый
Огненный холода
Ветер в городе соблазнов
Интервью с магом
Корона последней принцессы
Лига охотников за вампирами
Тайный приют олигарха
Имя мне легион
Хранители судьбы
Призраки страсти
Ночь всех святых
Знак свыше
Жрец смерти
Псевдоним Венеры
Путешествие в сны
Русалки белого озера
Вечной жизни не хватит
Обратная сторона смерти
Глаза цвета тьмы
Венец творения
Связанные одной тайной
Зеркальный лабиринт мести
Потрошитель душ
Тринадцатая Ева
Танцующая с дьяволом
Отель сокровенных желаний
Город ведьм
Крылатый сфинкс, печальный цербер
Небо слишком высоко
Ремейк кошмара

АНТОН ЛЕОНТЬЕВ

РЕМЕЙК КОШМАРА

Москва
2018

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
Л47

Оформление серии *С. Груздева*

Леонтьев, Антон Валерьевич.

Л47

Ремейк кошмара : [роман] / Антон Леонтьев. — Москва : Издательство «Э», 2018. — 320 с. — (Авантюрная мелодрама).

ISBN 978-5-04-091732-7

Что реальнее – холодный бункер с мигающей неоновой лампой или огромный особняк, опустевший после гибели родителей? Почему Юлию буквально преследуют изображения белок, а в памяти назойливо крутятся слова «весёлые бельчата»? Реальна ли являющаяся ей мёртвая девочка с черными глазницами и зашитым проволокой ртом или она живёт только в ее воображении? Неужели Юлия сходит с ума? Доктора клиники, куда устроил ее любящий муж, подтверждают эту догадку. Ведь она – преступница, убившая своего брата и родителей. Поэтому клиника – единственное место, где ей помогут. Но девушка совершенно не помнит, как совершила все эти ужасные преступления, и, кажется, дело не только в провалах в памяти...

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-091732-7

© Леонтьев А.В., 2018
© Оформление.
ООО «Издательство «Э», 2018

«...Белка песенки поёт
И орешки всё грызёт,
А орешки не простые,
Всё скорлупки золотые,
Ядра — чистый изумруд;
Вот что чудом-то зовут!»

А.С. Пушкин.

*«Сказка о царе Салтане, о сыне его
славном и могучем богатыре
князе Гвидоне Салтановиче
и о прекрасной царевне Лебеди»*

«... — Что ты, батюшка? не с ума ли
спятил, али хмель вчерашний еще у тя не
прошел? Какие были вчера похороны? Ты
целый день пировал у немца, воротился
пьян, завалился в постелю, да и спал до
сего часа, как уж к обедне отблаговестили.

— Ой ли! — сказал обрадованный гробовщик.

— Вестимо так, — отвечала работница.

— Ну, коли так, давай скорее чаю да позови дочерей».

А.С. Пушкин.

*«Гробовщик» из «Повестей покойного
Ивана Петровича Белкина»*

Бункер

...Юлия открыла глаза и прислушалась. Из коридора слышались тихие шаги. Она привстала и оглянулась, однако глаза не могли ничего разобрать: царила полная темень. Чувствуя под ногами холод, женщина поехала: оказывается, она была босиком.

Сделав несколько шагов, Юлия замерла. Она вдруг поняла, что не имеет ни малейшего понятия, где находится. И, что ужаснее всего, *как она сюда попала*.

Так и есть, где-то рядом кто-то прошелся. Юлия сдвинулась с места и, чувствуя под ногами ровную поверхность пола, похоже, бетонного, на ощупь двинулась вперед. Глаза уже привыкли к темноте, и она смогла разобрать смутные очертания комнаты, в которой находилась.

Не большая и не маленькая, с низким потолком и без *единого окна*. Зато, если глаза не обманывали Юлию, с большой черной дверью в нескольких метрах от того места, где она стояла.

Юлия наконец добралась до двери и попыталась нащупать ручку, однако ее пальцы утыкались в ровную металлическую поверхность. Как ни старалась, она не могла ни за что уцепиться. И внезапно поняла: у двери просто-напросто не было ручки.

Ей сделалось страшно, хотя до сего момента Юлия не испытывала ничего — ни паники, ни беспокойства.

Повернувшись, она прислонилась к двери спиной и облокотилась на ровную металлическую поверхность.

Чувствуя сквозь тонкую ткань одежды холод (похоже, облачена она была во что-то эфемерное, то ли сарафан, то ли ночную рубашку), Юлия попыталась сообразить, где все-таки находится. И, самое важное, как она там оказалась.

Нет, вовсе не там, а *здесь*, в этом странном помещении без единого окна, с холодным бетонным полом и металлической дверью без ручки.

Глаза уже настолько привыкли к темноте, что выхватывали из обступавшей тьмы много деталей. Однако в этом-то и был ужас: ничего такого рассмотреть не удавалось. По той простой причине, что никакой мебели в комнате не было — ровным счетом *никакой*.

Ни стула, ни кровати, ни шкафа, ни даже хотя бы матраса в углу или циновки. Комната была абсолютно пуста, если не считать, конечно, находившейся там Юлии.

Нет, не там, а *здесь*.

Внезапно до Юлии снова донеслись шаги, причем так отчетливо и в столь непосредственной близости, что женщина вздрогнула и инстинктивно отступила от двери в глубь комнаты.

Там, с обратной стороны металлической двери, кто-то стоял и громко дышал. Нет, даже не дышал, а натужно *сопел* — причем сопел весьма отчетливо, как старинный паровоз или неисправный прибор искусственного дыхания.

Юлия, чувствуя, что страх вдруг перерастает в панику, прислушалась, затаив собственное дыхание. Тот, кто находился всего в нескольких сантиметрах, пошевелился, кажется, поворачиваясь, затем грузно сдвинулся с места, а затем *чихнул*.

Кажется, это был мужчина. Юлия окаменела. Ее сердце билось необычайно быстро, во рту пересохло, кожа покрылась пупырышками — однако не от холода (хотя в комнате было далеко не жарко), а от ужаса.

Где она? Она этого не знала. Как она сюда попала? Этого она тоже не ведала. Почему дверь заперта? Об этом она не имела ни малейшего представления. Кто стоял за дверью и тяжело дышал? Это было ей неизвестно.

Внезапно женщина сообразила, что вообще мало что знает и что может вспомнить. В том, что она звалась Юлией, она, к примеру, не сомневалась. Она просто знала это — и все тут.

А вот какая у нее фамилия? Она не могла сказать. Сколько ей лет? Что было до того, как она открыла глаза и поняла, что находится в этой...

Нет, не комнате, а *тюремной камере?*

Или даже *бункере?*

И тут на нее накатило, и женщина вдруг всхлипнула, чувствуя, что по ее щекам струятся горячие соленые слезы. Она затряслась в беззвучных рыданиях, боясь, как бы тот, кто стоял рядом, не услышал ее стенаний.

Еще до того, как в голову Юлии пришли иные вопросы и она справилась с нахлынувшими на нее чувствами, раздался легкий скрежет, она вдруг поняла, что дверь открывается, и отскочила от нее в глубь комнаты.

Тюремной камеры.

Странно, но ей вдруг показалось, что она знает, где находится. И на что похожа эта тюремная камера. На что?

(Веселые бельчата, веселые бельчата, веселые бельчата...)

Отгнав странные *ненужные* мысли, Юлия заметила, что дверь не сдвинулась с места, а вместо этого в самой двери вдруг образовалось, с противоположной стороны, небольшое зарешеченное квадратное отверстие.

Кто-то, видимо, тот, кто стоял и тяжело дышал, распахнул старомодное тюремное оконце.

— Не реветь! — услышала она странный, неприятный голос, скорее мужской, чем женский. — *Он* этого не любит!

Юлия заметила с обратной стороны, видимо, из коридора, свет и чье-то лицо, но не смогла рассмотреть его. Однако ей показалось, что лицо было...

Какое-то *страшное*.

Еще до того, как она смогла по-настоящему испугаться, оконце с легким лязганьем снова закрылось, и камера — *Юлия уже не сомневалась, что она действительно находится в тюремной камере* — погрузилась в темноту.

Прошло несколько томительных моментов, в течение которых женщина не знала, что делать. Смахнув все еще струившиеся по щекам слезы, она ощутила вместо страха злость и, ринувшись к двери, стала барабанить по ней кулаками.

— Эй, откройте! Выпустите меня отсюда! Вы меня слышите? Немедленно выпустите меня!

Чем сильнее она стучала в дверь, тем сильнее росла в ней уверенность, что стоит ей повисить голос и напугать... напугать *тюремщика*, как ей удастся обрести свободу.

Хотя в этом-то и заключался ужас: она не могла сказать, ни кто она, ни откуда она, ни как она попала туда... То есть конечно же сюда. Ни как долго находилась там... Естественно, здесь...

Здесь, в тюремной камере, отчего-то напомнившей ей место заточения графа Монте-Кристо в замке Иф. В детстве, помнится, она обожала эту книгу, прочитав ее одиннадцать... Нет, даже *двенадцать* раз.

И не только она сама, но и ее брат Васютка...

Брат? У нее имелся брат?

Да, имелся...

(Веселые бельчата, веселые бельчата, веселые бельчата...)

До Юлии внезапно дошло, что амнезией она не страдает и может вспомнить, что было с ней в детстве. Она даже вспомнила, что обои ее детской комнаты были розовые с разбросанными по ним букетами цветов. Но это до того, как она с родителями переехала...

Оконце с грохотом, на этот раз *гораздо более сильным*, снова распахнулось, и до нее донесся голос тюремщика:

— Не орать! Ишь чего выдумала! Замолчи сейчас же!

Так, теперь стало ясно, что голос был не женский и не мужской, а какой-то... *детский*, что ли? Нет, и не детский, но явно принадлежавший человеку еще совсем даже не взрослому.

Ее что, охранял подросток?

Юлия, таращась на то, что возникло в оконце, через которое в комнату (да нет же, *бункер!*) вливался яркий, но какой-то мертвящий свет, наконец-то имела возможность рассмотреть лицо того, кто к ней обращался. Хотя бы и частично...

И ей сделалось очень и очень страшно. Это в самом деле было какое-то нереальное, жуткое лицо, вероятнее, даже *морда*. Вне всякого сомнения, человеческая, однако непропорциональных размеров и какая-то перекошенная.

Тот, кто ее охранял и вел с ней беседу, был отнюдь не красавцем, а подлинным Квазимодо! Низкий покатый лоб, торчавшие во все стороны волосы, огромный крючковатый нос, выпяченная губа, из-под которой виднелись длинные желтые зубы...

Нет, даже *клыки*.

Отчего-то Юлия подумала о *том самом* фильме, который смотрела тогда вместе со Стасом. Какой-то идиотский третьеразрядный американский ужастик, на который она пошла, потому что это была единственная возможность — они пришли в кинотеатр, когда все остальные сеансы уже начались.

Фильм был не то что страшным, а скорее неприятным, абсолютно неправдоподобным и скроенным по примитивным лекалам творцом подобных «шедевров». Что-то о группке туристов, свернувших в лесистой провинциальной Америке куда-то не туда и угодивших в логово людоедов, которые с большим удовольствием принялись поглощать непрошенных гостей. И, как во-

дится в подобных случаях, людоеды были какими-то гротескными существами, подлинными монстрами со столь уродливыми телами, что, существуя они на самом деле, они бы по причине своих телесных изъянов не смогли бы сдвинуться с места, не говоря о том, чтобы, подобно марафонцам, преследовать бежителей-туристов по лесам, поджидать их в чащобе и тащить к себе в хижину, дабы сделать из них фрикасе к ужину.

Или, кто знает, к своему людоедскому обеду.

Да, фильм ужасов ей тогда *ужасно* не понравился — не столько своей кровавостью, хотя крови было много, сколько полной бессмысленностью и примитивностью. Это и стало одной из причин, кажется, даже основной, почему она через несколько дней и завершила свои отношения с ее тогдашним ухажером Стасом...

Ну да, Стаса она *прекрасно помнила*...

А вот сказать, как она оказалась здесь, не могла.

Но почему она об этом подумала? Ах, по той простой причине, что лицо того, кто сейчас гундосил что-то в зарешеченное оконце, очень походило на физиономию младшего отпрыска семейства лесных людоедов. Конечно, не один в один, однако нечто из разряда подобных нереалистичных киношных монстров он собой представлял, это точно.

С тем только различием, что в ее случае монстр был вполне реальный и не экранный.

Юлия вдруг испугалась до такой степени, что вжалась в угол и, взирая оттуда на прямоугольник света, в котором виднелась гротескная физиономия, закрыла глаза, желая, чтобы наваждение прошло. Чтобы она открыла глаза — и все вдруг исчезло.

Она открыла глаза и убедилась, что *ничего не изменилось*. Слезы вновь заструились по ее щекам, только в этот раз плакала она абсолютно беззвучно, съевшись и замерев на карачках, чувствуя, что ноги у нее задубели от холода.

Ведь она же была босиком!

Тюремное оконце никуда не исчезло, странная, наводящая ужас физиономия, такая нереальная и тем не менее маячившая прямо перед ней, гаркнула:

— Не реви! Мне такое не нравится!

А затем раздалось позвякивание, послышался поворот замка в двери — и дверь медленно распахнулась.

Юлия, еще несколько минут назад страстно желавшая, чтобы это произошло, поняла, что желает одного: чтобы дверь закрылась, чтобы тюремщик, который возник перед ней, исчез, чтобы все опять погрузилось в темноту.

И чтобы она осталась в тюремной камере в одиночестве. Но даже это не помогло бы ей: она ведь все равно знала бы, что рядом, в считанных метрах, притаилась опасность, тяжело дышавшая и шаркавшая ногами.

Юлия подскочила, вжимаясь в холодную бетонную стену. Тюремщик, замерев на пороге, кажется, сам не знал, что ему делать, и стоял, переминаясь с ноги на ногу. Это был крайне непропорционально сложенный человек, очень некрасивый и внушавший трепет. Облечен он был в какие-то странные, явно старомодные, одежды. Голова у него была странно изогнута, и из-за нее виднелся...

Да, это действительно был *горб*.

Не закрывая глаз, Юлия рассматривала своего тюремщика. Ведь настанет время, когда она покинет место заточения и в полиции придется воссоздавать его портрет, дабы правоохранительные органы могли найти его.

Полиция... Юлия едва не рассмеялась. Она словно в другом мире находилась, там, где не было полиции и всех тех, кто бы мог ей помочь.

А кто бы мог ей помочь?

И все же женщина внимательно смотрела на того, кто стоял в проеме двери и, кажется, даже смущенно тарачился на нее. Ему что, самому неприятно или даже страшно разговаривать с ней?

Юлия убедилась, что имеет дело с крайне мало-приятным субъектом, являвшимся, похоже, мужчиной. Или даже большим ребенком, вернее, и инстинкт ее не обманул, неуклюжим и странным подростком. Похоже, даже не совсем адекватным.

Но подросток или нет, не хотелось бы ей столкнуться с подобным субъектом в темном проулке ночью. Или даже на оживленной улице днем. Впрочем, и в одном, и в другом случае у нее было бы несомненное преимущество — она бы смогла попросту убежать от этого субъекта.

А, находясь в тюремной камере без окон и с металлической дверью, сделать этого она не могла.

Женщина, медленно поднявшись, взирала на Квазимодо, так она окрестила для себя своего тюремщика. Однако ее внимание привлекал даже не столько он сам, сколько торчавшая в замочной скважине связка ключей.

Квазимодо чуть продвинулся в глубь камеры, предоставляя Юлии возможность бросить взгляд в коридор, из которого он к ней заявился. Похоже, камера с металлической дверью, *засовом снаружи* и зарешеченным оконцем была в коридоре не единственной. Взгляду Юлии предстала еще одна дверь напротив ее собственной.

— Не реветь! — произнес своим странным голосом Квазимодо, явно волнуясь. — Отчего вы все кричите? От этого у меня ужасно болит голова! Да и *он* этого не любит!

Юлия, чей взгляд был прикован к торчавшей в двери связке ключей, тихо произнесла:

— Я хочу пить!

Квазимодо вздрогнул, уставился на нее, словно не понимая, что она имеет в виду, а женщина повторила:

— *Я. Хочу. Пить.* Или вы хотите, чтобы я умерла от жажды? — И внезапно добавила, повинувшись какому-то неведомому чувству:

— Или вы хотите, чтобы *он* был недоволен?

Охранявший ее субъект вострепнулся и произнес:

— Так бы сразу и сказала. Только буяннить не надо. А то вы все такие резвые. Думаешь, что мне этот шум нравится?

Юлия, в голове которой сложился план побега, не отрываясь, смотрела на связку ключей. А затем, вдруг осознав, что Квазимодо может заметить ее опасный интерес к его ключам, заставила себя перевести взгляд на его уродливое, даже страшное лицо.

Нет, она никогда не была человеком, который оценивал других на основании их внешности. Юлия попыталась вспомнить, каким именно она была человеком до того, как попала сюда, но в голову не пришло ничего путного.

Хотя в мозгу внезапно возникла сцена.

...Она подходит к двери, причем двери, как две капли воды похожей на ту, которая являлась дверью ее тюремной камеры. Причем в руках у нее связка ключей. Она и сама не знает, откуда у нее они взялись. Она открывает дверь и попадает в комнату без окон. Только в отличие от этой посреди той комнаты возвышался стол. И на нем что-то лежит — что-то, накрытое клеенкой. Она приближается к столу, дотрагивается до клеенки, та начинает сползать с того, что находится на столе, и ужас, небывалый леденящий ужас, охватывает ее, причем еще до того, как ее взгляду предстает то, что лежит на столе. Наконец клеенка сползает полностью, и, отступая в испуге назад, она видит, что на столе покоится...

— Нет, не нравится!

Квазимодо продолжал говорить сам с собой, а Юлия вспомнила, что он вообще-то задал ей вопрос. Хотя что именно он спросил?

— Вы правы, — произнесла ровно она, понимая, что злить Квазимодо не имеет смысла. — Ему это явно не понравится. Как, рискну предположить, и то, что вы